***Борисов Всеволод Васильевич,***
*кандидат физико-математических наук,*
*заведующий отделом проблем глобализации*
*и международного сотрудничества*
*в сфере науки и инноваций РИЭПП,*
*Тел. (495) 916-12-65,*
*info@riep.ru*

# ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТИМОСТИ НАУКИ И РЕЛИГИИ В СВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ*

## Введение

В последнее время развернулись весьма острые споры относительно того, совместимы ли основные принципы и положения современной науки и те или иные религиозные воззрения, основанные преимущественно на канонических «священных» текстах? Можно ли рассматривать науку и религию как разные формы познания окружающего мира?

Возникает также ряд вопросов менее общего характера. Например, может ли крупный ученый, имеющий серьезные достижения в своей области науки, быть в то же время верующим человеком?

Но в данной статье в основном обсуждаются вопросы, относящиеся к сфере образования:

– правомерно или, наоборот, неправомерно преподавание в светских государственных общеобразовательных школах религиозных предметов?

– правомерно или, наоборот, неправомерно существование в светских государственных высших учебных заведениях кафедр теологии?

Попробуем, по необходимости тезисно, чтобы уложиться в рамки статьи, изложить свои позиции по этим вопросам.

* Данная статья в ее первоначальном варианте была вынесена на обсуждение, состоявшееся 19 июня 2013 года (см. стенограмму). Было бы естественно учесть прозвучавшие критические замечания и внести в статью соответствующие поправки.

Однако учет всех замечаний, с которыми вовсе не обязательно было полностью соглашаться, мог бы вылиться в отдельную статью, тем более, что многие из них затрагивали те вопросы, о которых в первой редакции статьи вообще не говорилось. Поэтому из статьи были исключены лишь явные ошибки; были также внесены небольшие композиционные изменения.

В целом прозвучавшие замечания можно расценить, как пожелание продолжить обсуждение затронутых в статье проблем в более широком плане. Поэтому статью следует признать скорее постановочной. Можно надеяться, что в последующих статьях (в том числе других авторов) отдельные проблемы будут представлены в более развернутом виде.

## Ранние этапы развития религии и науки

Сегодня вполне очевидно, что наука и религия строятся на совершенно разных основаниях.

Разумеется, сколько-нибудь полное описание этих сложных продуктов развития человеческого общества выходит далеко за пределы возможностей одной статьи, но какие-то сопоставления все же можно провести.

Если обратиться к самым истокам науки и религии, то в них, при всех различиях, можно тем не менее увидеть немало общего.

На начальных этапах познания человеком окружающего мира его аналитические способности не простирались далее простейших наблюдаемых закономерностей и корреляций. Чисто опытным путем, на основе более или менее случайных наблюдений, человек постепенно открывал для себя возможность использования тех или иных технологий (прежде всего, технологий общения с использованием членораздельной речи, далее – технологий обращения с огнем, обустройства жилья, практических приемов охоты, земледелия и т. д.). Все это неизбежно сопровождалось формированием некоторых представлений о связях между собственными действиями (индивидуальными или коллективными) и их результатом, а также связей между наблюдаемыми природными явлениями и их последствиями.

Собственные действия человека обычно ощущаются им как проявление своей воли. И было не так уж трудно вообразить, что наблюдаемые им явления окружающего мира тоже происходят по чьей-то воле, которую естественно было приписать более могущественным созданиям. В дальнейшем это представление, обрастая множеством подробностей, всяческих сюжетов и легенд, приобрело форму разнообразных верований, а затем и вероучений, среди которых наиболее широкое влияние приобрели четыре основные религии (табл. 1), насчитывающие ряд всевозможных ответвлений [1].

**Таблица 1. Основные религии мира [2]**

| Религия | Число приверженцев (оценка) | Канон |
|---|---|---|
| Христианство | 2,1 млрд | Новый Завет (Библия) |
| Ислам | 1,2 млрд | Коран |
| Буддизм | 800 млн | Единого канона нет |
| Иудаизм | 13,4 млн | Ветхий завет (Талмуд) |

Христианство и ислам многие черты заимствовали из иудаизма – эти три религии относят к Авраамическим религиям. В дальнейшем мы ограничимся именно этими тремя религиями, уделяя основное внимание христианству.

Общим для этих и для большинства других религий является развитый культ всевозможных обрядов, ритуалов, поклонений высшим со-

зданиям (богам) с вознесением в их адрес молитв, совершением всевозможных жертвоприношений и т. д. По крайней мере, в Авраамических религиях (но и во многих других) явственно проступают антропоморфные черты высших созданий, которым люди приписывают собственные привычки и даже пороки (жадность, ревность, тщеславие и т. д.), а иногда и внешнее подобие (что особенно характерно для христианского вероучения). Понятно, что никакое воображение, никакие фантазии не могут совсем уж отдалить человека от себя самого.

И хотя конкретные религиозные сюжеты являются в значительной степени произвольным творением человеческого воображения и фантазии, в совокупности религиозные вероучения следует признать одним из весьма важных продуктов человеческой деятельности.

Главной и фундаментальной по характеру опорой каждой из основных религий были свойственные им догматы, закрепленные в соответствующих канонических текстах. Но особенно большое значение имело формирование в рамках каждой из религий особой жреческой касты, которая присвоила себе исключительное право толкования канонических текстов, поддержание на их основе и в дополнение к ним всевозможных обрядов и ритуалов. Позднее сформировалось иерархически организованное и весьма влиятельное духовное сословие, которое приобрело достаточно сильную власть над верующими, нередко соперничающую по влиянию с властью монархов.

Канонические тексты получили статус «Священного Писания», в которое в принципе нельзя вносить никаких изменений и редакционных правок – невзирая на присутствующие в этих текстах внутренние логические противоречия.

Если говорить о христианстве, то со временем возник весьма влиятельный Институт христианской Церкви, (с последующим ее расколом на разные ветви). «Священное Писание» Церковь дополнила «Священным Преданием», вера в догматы Церкви (библейские и собственные) стала обязательной для всего населения: любые отступления от принятого Церковью вероучения объявлялись ересью, самих еретиков обычно ожидала смертная казнь.

Развитие науки, практически с самых ее зачатков, долгое время шло аналогично развитию религиозных представлений, путем соединения наблюдений с разного рода умозрительными идеями, без каких-либо доказательных оснований. Упомянем, в частности, попытки на такой умозрительной основе свести все явления окружающего мира к небольшому числу основных (первичных) принципов. Первоосновой всех видов материи могла признаваться вода или, например, огонь. Потом упоминались сразу четыре первичных элемента (четыре стихии): вода, огонь, воздух и земля (видимая ее поверхность). Зародилась идея микромира (неделимые атомы Демокрита). Важно отметить, что выдвигавшие такие идеи античные философы вовсе не противопоставляли свои взгляды существовавшим в то время религиозным верованиям – речь как бы шла о разных вещах.

## Галилей и его «конфликт» с Церковью [3]

Свойственные реальной науке представления о разного рода причинно-следственных связях и их экспериментальных основаниях начали появляться уже тогда, когда христианство, к примеру, существовало уже более 15 веков – из них 12 веков в виде господствующей религии, обязательной для населения ряда западноевропейских стран.

Вполне понятно, что реальная наука, постепенно все более и более уходившая от церковных догматов, долгое время была для религии весьма слабым конкурентом. Еще несколько веков ведущие ученые оставались, за очень небольшим исключением, добропорядочными верующими христианами. Но это не было предметом их сознательного выбора. Они в этой вере попросту родились и воспитывались.

Время от времени возникавшие редкие (хотя и резонансные) конфликты ученых с Церковью были во многом связаны с деспотическим характером конкретных церковных иерархов, тщательно оберегавших свои властные возможности.

В хорошо известном конфликте с Церковью Галилео Галилея (1564–1642) главную роль играли чисто субъективные причины. Галилей не был противником христианской религии и нисколько не тяготился своим пребыванием в лоне католической Церкви. И Церковные иерархи с удовольствием смотрели на небо через сделанный руками Галилея телескоп.

Эта идиллия лишь изредка нарушалась излишним во всех отношениях рвением отдельных церковников. И тогда Галилею волей-неволей приходилось защищать науку. Так, в 1613 году он писал:

«Священное Писание относится только к спасению души, в научных вопросах оно не авторитетно. Ни одно изречение Писания не имеет такой принудительной силы, какую имеет любое явление природы».

Для Галилея, сформулировавшего принцип относительности движения, было вполне естественным признание учения Николая Коперника (1473–1543). Это учение католическая Церковь в 1616 году объявила ересью. У нас чуть ли не во всех учебниках этот папский эдикт трактовался как неизбежный антагонизм науки и религии. В действительности, антагонизма не было – была лишь узость воззрений нескольких конкретных церковных иерархов, которым казалось странным отрицать явно видимое в течение дня перемещение Солнца по небосводу. Даже и сегодня так думают многие, вообще никогда не державшие в руках Библию.

Строго говоря, учение Коперника и взгляды Галилея не подрывали основ католической веры – в Священном Писании сплошь и рядом встречаются места, допускающие неоднозначное и даже аллегорическое толкование. Тем не менее, суд инквизиции в 1633 году признал Галилея виновным в распространении книги с «ложным, еретическим, противным Священному Писанию учением» о движении Земли:

> «Утверждать, что Солнце стоит неподвижно в центре мира — мнение нелепое, ложное с философской точки зрения и формально еретическое, так как оно прямо противоречит Священному Писанию.

Утверждать, что Земля не находится в центре мира, не остается неподвижной и обладает даже суточным вращением есть мнение столь же нелепое, ложное с философской и греховное с религиозной точки зрения».

Суд инквизиции попросту приписывал Священному Писанию свою собственную глупость.

Кстати, в приписываемых Галилею словах «А все-таки она вертится», речь могла бы идти скорее о суточном вращении Земли вокруг своей оси. По крайней мере, угловая скорость этого вращения намного выше.

## Рост авторитета науки

С XVII века наука стала развиваться все ускоряющимися темпами, но уже не на умозрительных, а на экспериментальных основаниях. Любая теория признавалась научной не ранее, чем проходила экспериментальную проверку, после чего обретала предсказательную силу как по отношению к результатам повторных экспериментов, так и по отношению к новым экспериментам, планировавшимся на основании следствий тех или иных научных теорий.

Прочным фундаментом для последующего развития науки стали труды Исаака Ньютона (1643–1727), в особенности его «Математические начала натуральной философии» (1687), в которых были описаны законы движения, в том числе законы движения планет Солнечной системы [4]. После его работ всякие сомнения относительно гелиоцентрической системы были полностью устранены. В то время в Англии доминировала значительно более мягкая, по сравнению с католической, англиканская церковь, находившаяся под опекой королевской власти. По характеру она была ближе к протестантской, развитию науки не препятствовала и допускала относительно свободное толкование христианского вероучения. У Ньютона, активного приверженца христианской веры, никаких конфликтов с Церковью не было, даже несмотря на его сомнения в троичности христианского Бога.

В дальнейшем довольно долго сохранялось параллельное, относительно мирное сосуществование науки и религии. Церковь, по крайней мере христианская (если не считать отдельные маргинальные секты), стала намного менее агрессивна, чем во времена Галилея. Уже даже метафорическая «охота на ведьм» наталкивалась на резкое осуждение со стороны общества. Такое же негативное отношение стало распространяться на любые формы религиозного фанатизма.

Впрочем, такое же осуждение в конце концов распространилось и на антирелигиозный фанатизм, по существу мало отличающийся от всех других видов фанатизма.

Что касается науки, то в последние два–три века ее авторитет в обществе в целом неизмеримо вырос. Наука обрела вид величественного здания, воздвигнутого трудами многочисленных ученых из разных стран.

Если Пьер Симон Лаплас (1749–1827) в свое время ответил Наполеону, что для описания картины мира ему гипотеза существования Творца

не понадобилась, то к настоящему времени присутствие Творца никак не обнаружилось и в намного более подробно описанной Вселенной, простирающейся во все стороны от Земли на многие тысячи световых лет.

Современная наука, как фундаментальная, так и прикладная, по своему значению для жизни человеческого общества намного опередила религиозные вероучения, по-прежнему опирающиеся на те же противоречивые догматы, которые возникли от полутора до двух с половиной тысячелетий назад.

**Развитие теории биологической эволюции.**

Итак, в целом конфликтов между наукой и Церковью было не так уж много. Церковь имела относительно немного пересечений с естественными науками, если не считать всевозможные «чудеса», которые заведомо относились к разряду невоспроизводимых.

Чувствительные расхождения со Священным Писанием все же иногда возникали. Весьма характерны в этом отношения отклонения от религиозных догматов, накапливавшиеся по ходу развития теории биологической эволюции.

Карл Линней (1707–1778), создатель систематики живых организмов (основной труд – «Система природы», 1735), был твердо уверен, что описывает организмы такими, какими их создал Творец. Однако, все больше пробивали себе дорогу идеи изменчивости биологических видов. Причастность Бога по-прежнему подразумевалась, но библейские легенды уже в расчет почти не принимались. Более подробно об этом написано в монографии [5]. В частности еще в середине XVII века англичанин М. Хэйл (M. Hale) выдвинул идею о том, что Творец создал только ограниченное количество архетипов; другие многочисленные роды и виды развились уже под влиянием обстоятельств» [5].

Существенные данные об изменчивости видов принесли палеонтология (отличия ископаемых видов от ныне живущих организмов) и эмбриология (изучение процессов развития зародыша). Выдвигались идеи о механизмах эволюции – большей частью теоретические. В литературе по додарвиновскому периоду наиболее часто упоминаются работы Жана-Батиста Ламарка (1744–1829) и Этьена Жоффруа Сент-Илера (1772–1844). Немало ценных идей об эволюции высказывали и другие авторы.

Несмотря на давнюю и богатую историю развития теории биологической эволюции, центральное место традиционно отводят работам Чарльза Дарвина (1809–1882), особенно опубликованной в 1859 году книге «О происхождении видов путем естественного отбора» [6]. Эту работу многие расценили как главное достижение XIX века в области биологии (по крайней мере, одно из главных). Фактически Дарвин своим авторитетом способствовал окончательной победе идеи биологической эволюции – противники этой идеи (поборники буквального следования библейским текстам) оказались вытеснены на периферию общественного внимания.

В одной из первых рецензий на книгу Дарвина было сказано, что она посвящена происхождению человека от обезьяны, хотя в книге вопрос о происхождении человека прямо не затрагивался – было высказано только предположение, что книга «прольет свет на происхождение человека и его историю». Тем не менее, на годы – можно сказать, на века – под «теорией Дарвина» стали подразумевать в основном именно происхождение человека от обезьяны.

Уместно привести одну любопытную деталь. Американский писатель Вашингтон Ирвинг в своей повести «История Нью-Йорка», рассматривая в сатирическом стиле взгляды многих философов, упомянул «о поразительном предположении Бюффона, Гельвеция и Дарвина, столь почетном для человечества… что весь человеческий род произошел случайно от выдающегося семейства обезьян». У Жоржа-Луи Бюффона (1707–1788) в его многотомной «Естественной истории животных» такое предположение действительно было (за что труд Бюффона был публично сожжен). Повесть Ирвинга была опубликована в 1809 году (год рождения Чарльза Дарвина), так что Ирвинг имел в виду, конечно, Эразма Дарвина (1731–1802), деда Чарльза. Таким образом, задолго до выхода в свет «Происхождения видов» переход из одного вида в другой часть общества прочно связывала с самым ярким его примером, и фразу Бюффона в конце концов стали приписывать уже Чарльзу Дарвину.

В 1871 году Дарвин публикует свою наиболее крупную работу «Происхождение человека и половой отбор» [7]. Уже во введении Дарвин, характеризуя идею новой книги, выразил мнение о том, что «человек должен быть включен, вместе с другими органическими существами, в любое общее положение, относящееся к способу появления жизни на земном шаре». Но все же писал более осторожно – «о происхождении человека от некоторой низшей, предсуществовавшей формы», отказываясь называть эту форму «обезьяной».

Официального осуждения теории Дарвина со стороны Церкви не было. В истории закрепился только знаменитый диспут, состоявшийся в 1860 году, участником которого были, с одной стороны, Томас Гексли (Thomas Huxley, 1825–1895), молодой сторонник Дарвина, и оксфордский епископ Сэмюэль Вильберфорс (Samuel Wilberforce, 1805–1873). В конце диспута епископ спросил: с какой линии сам Гексли считает себя происходящим от обезьяны – с материнской или отцовской? На что Гексли ответил, что предпочел бы иметь в числе своих предков обезьяну, чем человека, который свой талант тратит на искажение истины. Победу в диспуте история присудила Томасу Гексли.

Подведем промежуточный итог. Представленный краткий обзор хорошо известных исторических фактов может служить наглядной иллюстрацией того, как накопление научных знаний в течение двух с половиной столетий заставляло Церковь все в большей и большей степени сдавать свои позиции.

В 1600 году был сожжен на костре Джордано Бруно. Последние почти 20 лет жизни «отрекшийся» Галилей проводит под домашним арестом.

Рене Декарт за год до смерти из-за травли, которой он подвергался у себя на родине, был вынужден оставить Францию и отправиться в Стокгольм.

Далее, по прошествии немногим более ста лет, был публично сожжен уже не сам Жорж-Луи Бюффон, а только его труд.

И, наконец, полное общественное признание авторитета Дарвина во второй половине XIX века, хотя его взгляды на происхождение Венца Творения были куда большим отступлением от Священного Писания, чем казуистически истолкованные мизерные «противоречия» Писанию взглядов Галилея.

А затем учение Дарвина, опиравшееся в том числе на труды многих предшественников, довольно быстро было включено в программы изучения биологических дисциплин во всех крупных университетах мира.

И уже как исключительно редкий случай упоминается так называемый «обезьяний процесс» против учителя, излагавшего в школе теорию Дарвина – процесс, состоявшийся в 1925 году в городе Дейтоне (штат Теннесси, США). Учителя приговорили к уплате штрафа в 100 долларов, но потом и это решение было отменено.

К сожалению, относительно недавно то же повторилось в Санкт-Петербурге. Но религия здесь была вообще не при чем – просто некий гражданин таким неумным способом попытался приобрести себе «паблисити».

## Отношение ученых к религии

Современные ученые – особенно те, кто занимается естественными науками – в большинстве своем считают себя атеистами [8]. Но и среди остальных ученых довольно много тех, кто не является приверженцем всех догматов, содержащихся в любой из религий. Церковь они чаще всего посещает редко (во всяком случае нерегулярно), а многие вообще «не воцерковлены».

В большинстве стран, в том числе и в России, законодательно закреплена свобода совести и вероисповедания. Одной из гарантий такой свободы является отделение церкви от государства, что предполагает невмешательство Церкви в деятельность светских учреждений.

В самом начале статьи был поставлен вопрос: может ли ученый быть верующим?

Вообще говоря, вопрос требует уточнения: в чем именно должна состоять вера? Верующие ученые к религии относятся по-разному. Однако могут быть сделаны некоторые обобщения.

Если говорить об ученых-естественниках или математиках, то обычно соблюдается принцип, согласно которому исследовательская деятельность ученого не пересекается с его религиозными верованиями – наука и религия как бы разнесены по разным «ведомствам». Ученый так или иначе осознает наличие границ между рациональным мышлением и иррациональными чувствами, которые можно отнести к эмоциональному восприятию окружающего мира.

С гуманитариями несколько сложнее, так как сам объект исследования может быть основан на вызываемых у людей эмоциональных восприятиях. Но в норме и здесь должно быть разделение веры и научных изысканий.

На основании рационального анализа еще можно обсуждать философские гипотезы о существования «надмирного высшего разума», регулирующего законы природы, но содержащиеся в Священном писании и Священном предании притчи о Богах и их деяниях, легенды о блаженстве праведников в раю и вечных мучениях грешников в аду и многие, многие другие библейские легенды рационального анализа не выдерживают.

Однако даже самые закоренелые атеисты, процент которых среди ученых и вообще образованных людей значительно выше, чем у населения в целом [8], как правило, не являются «богоборцами». Сегодня никто, кроме исключительно редких маргиналов, не ратует за то, чтобы полностью изъять религию из человеческого общества и предать ее забвению, подобно тому, как это произошло с целым рядом научных заблуждений, вроде философского камня, флогистона и вечного двигателя. Кампания по разрушению церквей и храмов, инициированная в нашей стране в 20–30-е годы «твердокаменными» и, большей частью, малообразованными «марксистами», сегодня всеми расценивается как жуткое варварство.

Религиозные сюжеты и легенды и связанные с ними этические нормы прочно встроены в культуру человеческого общества, весь современный язык пропитан изречениями из религиозных текстов, ссылками на Божий промысел.

Религия сохраняется как важная тема для исследования историков, философов, литературоведов, сложилась даже самостоятельная область изучения религий – религиоведение.

## Религия как отражение иррациональной природы человека

В математике существуют иррациональные числа, которые не могут быть точно выражены в какой угодно системе счисления. Они, тем не менее, поддаются рациональному определению: например, как отношение длин диагонали квадрата и его стороны, отношение длины окружности к ее диаметру и т. д. По крайней мере это дает возможность вычислить значение иррационального числа с любой заданной точностью.

Иррациональная природа человека не поддается даже такому приближенному описанию. Примером может служить восприятие человеком собственного «я». Поступки и действия любого другого человека мы можем наблюдать, как-то оценивать. А в основе собственных действий лежит наша свобода воли, которая есть непонятно что. Кто может предсказать, что ему придет в голову в любую следующую минуту?

На этой иррациональной основе возникло понятие «души» человека.

Чем ведает душа? По большей части эмоциями: ощущениями красоты, восторгом от восприятия музыки, чувствами радости и печали, возмущением несправедливыми решениями и т. д. Истоки этих чувств еще

можно пытаться рационально объяснить какими-то воспроизводимыми физиологическими процессами, но сами чувства – ощущения, переживаемые людьми – рациональному описанию не поддаются.

Возьмем, к примеру, такое замечательное творение биологической эволюции, каким является зрение. Про зрение уже почти все известно. Есть хрусталик глаза, который фокусирует на сетчатке свет, отраженный от наблюдаемых предметов. Сетчатка состоит из специализированных живых клеток – «палочек» и «колбочек». Те, в свою очередь, содержат белок родопсин, клетки присоединены к нервным окончаниям, нервные импульсы, поступают в мозг, в котором происходит обработка поступившей информации. Но то реальное ощущение от виденного, внутренняя реакция, душевный отклик – это все остается частью иррациональной природы человека: познать природу субъективно ощущаемого мы не в состоянии. Даже осознание в душе человека одной и той же картины, увиденной разными людьми, чаще всего оказывается разным: одному она нравится, другому – безразлична.

Это и является в какой-то степени объективным основанием для религиозных верований. Отсюда правомерность высказывания, приписываемого древнему христианскому теологу из Карфагена Квинту Тертуллиану (~155 ~220): «Верую, ибо абсурдно». Хотя описание в канонических текстах самого Бога, его повелений и запретов и т. д. содержит множество логических противоречий, верующий человек все равно обнаруживает в себе способность ощущать нисходящую от Бога благодать – как же не признать существование этого Бога? Отсюда вывод, которого придерживаются многие теологи: рациональная логика к Богу неприменима. Иными словами, даже абсурд может рассматриваться как основа веры.

В христианской религии это наилучшим образом выражает, пожалуй, самое гениальное из приведенных в Новом завете высказываний Иисуса Христа: «Царство Божье внутри нас». Молитва, адресованная Богу, в действительности адресована своей собственной душе и реально может вызывать очищающее эмоциональное воздействие, послужить поддержкой в трудные периоды, утешить в постигшем человека горе. Почти на каждого, кто с самого детства приобщен к церковным ритуалам, эти ритуалы, в сочетании с канонами христианской веры, оказывают снова и снова сильное эмоциональное воздействие – возникает естественное желание сохранить в себе эту веру. У разных религий – разные обряды, разные канонические тексты, разные традиции богослужения. На этом и основана содержащаяся в законодательстве многих стран, в том числе и в российском законодательстве, свобода вероисповедания.

## Связь религии с укреплением в обществе нравственных начал

Основные нравственные принципы связаны с понятиями добра и зла. Эти понятия не могут восприниматься чисто абстрактным образом – они не могут быть, например, отнесены к неодушевленным предметам. Творцами добра в самых различных его формах являются люди

– отдельные люди, группы людей и даже общество в целом. То же можно сказать и о том, кто является восприятием добра. Это опять: отдельные люди, группы людей и общество в целом. Более того, точно то же самое можно сказать и о творцах зла. Отличие состоит только в том, что добро приносит другим пользу, а зло – вред. Оба понятия могут иметь разную степень, разные масштабы.

Добро в какой-то степени связно с существующими у людей альтруистическими наклонностями – стремлением приносить другим благо, которое в свою очередь может быть связано со способностью сочувствовать другому, сострадать. Зло как противоположное понятие, естественно, связано с эгоистическими наклонностями, которые иногда могут быть связаны с сильным желанием обязательно нанести вред другим, даже иногда во вред себе.

Когда зародились эти чувства? Ответ довольно прост: с самого появления человека на Земле.

В чисто биологическом, эволюционном отношении, человек с самого начала приобрел преимущества над другими видами животных, будучи, как мы обычно говорим, «общественным животным». Эти преимущества еще более усилило многократное укрепление общественных связей благодаря развитию языкового общения. В результате внутри общины стали доминировать альтруистические чувства по отношению друг к другу, вне общины – чаще всего враждебные.

Именно эти принципы в дальнейшем были сформулированы в Ветхом завете в виде широко известных 10 заповедей, переданных Моисею от Бога для их распространения среди избранного Богом народа.

Первая заповедь: не убий. Возникает вопрос: а почему же в последующих книгах Ветхого завета кровь буквально льется рекой, в том числе по повелению самого Бога? В Библии об этом прямо не сказано, но и так можно понять: заповеди Бога регулируют отношения только между «своими». Таков четко заложенный в Ветхом завете принцип иудейской веры.

Христианская вера как бы распространила этот принцип хотя бы на всех, принявших христианскую веру, для которой «нет ни язычника, ни иудея». Тогда как же можно понять последовавшие далее многочисленные войны между христианскими странами? И даже священники с готовностью благословляли воинов, идущих убивать таких же воинов из армии противника.

«Возлюби ближнего аки самого себя». А дальнего?

Таким образом, претензии Церкви на роль блюстителя нравственности в обществе никакого сколько-нибудь убедительного подтверждения не находят. Это обычная, сильно завышенная самооценка. Поэтому постепенно возобладавшая во многих государствах заинтересованность в укреплении нравственных начал среди населения привела к законодательно провозглашенной свободе вероисповедания, а также отделению Церкви от государства и приданию всем государственным организациям и учреждениям светского характера.

Это, конечно, не значит что Церковь – носитель зла, хотя и среди священнослужителей, как и среди всего остального населения, встречаются

люди как добрые, так и чем-то озлобленные. Все, что мы наблюдаем, не убеждает нас в действенном влиянии Церкви на укрепление в обществе нравственных начал.

Известно, что и Гитлер твердо верил, что его во главе Третьего Рейха поставил именно Бог – специально для того, чтобы Германия возобладала над всем остальным миром.

## Об уроках религии в государственных общеобразовательных школах

Теперь мы уже достаточно подготовлены, чтобы ответить на поставленные в начале статьи вопросы, касающиеся места религии в сфере государственного среднего образования и высшей школы.

Одобренное высшими должностными лицами государства введение в программы общеобразовательной средней школы специального предмета «Основы православной культуры» (милостиво позволив проявить себя другим конфессиям) следует признать противоречащим Конституции Российской Федерации, где, с одной стороны, провозглашен светский характер российского государства, а с другой – свобода вероисповедания.

Учитывая усилившуюся агрессивную политику высших иерархов Русской православной церкви (РПЦ), с характерным для них стремлением расширить свое влияние и тем самым укрепить свою власть над верующими (в их обозначившемся в последнее время союзе с высшими должностными лицами государства), проникновение РПЦ в светскую общеобразовательную школу (равно как и меньшее по масштабам проникновение других конфессий) уже наносит школьному образованию и воспитанию ощутимый вред, и есть основания опасаться, что этот вред со временем будет только усиливаться.

Каковы эти основания?

Во-первых, пока все-таки сохраняется надежда, что Россия сумеет реально выйти на инновационный путь развития, что основой российской экономики станут наукоемкие производства, что будут обеспечены все предпосылки для дальнейшего научно-технического прогресса, способного обеспечить достойные условия жизни российских граждан. Блага для всего населения – что может быть выше этого нравственного начала? Что может быть действеннее как средство реального, а не показного патриотического воспитания молодого поколения?

Во-вторых, религия с ее ритуалами и обрядами, ее коллективными молитвами основывается на эмоциональном воздействии на верующих. Это эмоциональное воздействие усиливается самой обстановкой, существующей в Церкви. Какая Божья благодать низойдет на верующих в классной комнате?

В-третьих, религия основана на том, чтобы верующие ни в коем случае не задавали никаких вопросов. Церковные катехизисы – основные учебные пособия в существовавших в царской России церковно-приходских школах, построены на том, чтобы на вопросы отвечали сами

верующие – печально знакомый многим россиянам принцип: «Здесь вопросы задаю я!».

В-четвертых, сразу после урока, на котором школьникам расскажут о воспроизводимых закономерностях, о гармонично согласованных законах природы, в частности, о законе всемирного тяготения, им на следующем уроке будут рассказывать о вознесении Иисуса Христа, во всей его телесной плоти, на небо.

В-пятых, почему высшие правительственные чиновники, ведающие средним образованием, считают, что патриотизм российских школьников укрепит так называемая православная культура, которая в своей содержательной части целиком заимствована из Нового завета, написанного во времена, отстоящие чуть ли не на десять столетий от возникновения русского государства, причем все события, о которых там говорится, происходили далеко за пределами территории России – и прежней, и нынешней? Иными словами, намного корректнее было бы говорить вообще о христианской культуре.

В России (как и во многих других государствах) религиозным верованиям не учат – даже Библию читает лишь малая доля верующих. Вера традиционно имеет фольклорный характер: отдельные изречения, библейские и позднее появившиеся, передаются из уст в уста и в какой-то степени закрепляются в церковных общинах – до, после и во время богослужений. По сути своей они мало чем отличаются от широко распространенных в народе языческих суеверий.

Что действительно привлекательно в церковных богослужениях (к сожалению, не всегда) – это то, что в церкви каждый, находящийся среди других верующих, сохраняет себя как личность – то, чем собрание верующих отличается от кричащей толпы. На уроках в школе тоже нет влияния «толпы», но на личность учащихся обычно все же оказывается определенное давление.

Разумеется, если сравнивать с передачами двух общероссийских каналов телевидения, уроки православной культуры будут выглядеть ничуть не хуже. Но школа все же должна способствовать росту интеллекта школьников, их реальному духовному развитию, в наиболее содержательном смысле этих слов.

## Реальное место для религии в средней школе

В советской школе даже такие слова как «Библия», «Ветхий завет», «Новый завет», «евангелия» вообще не употреблялись. Библия мало у кого имелась дома, в государственной розничной торговле отсутствовала. О религии бегло упоминалось только в двух школьных учебниках – в «Истории древнего мира» и в «Истории древних веков». В «Истории древнего мира» упоминался древнеегипетский Бог Солнца Ра, что-то говорилось о Вавилонской башне, упоминались мифы Древней Греции, что-то еще по мелочи. В «Истории средних веков» немного рассказывалось о христианстве: два-три кусочка из Нагорной проповеди (не упоми-

ная Христа) – все это излагалось исключительно в негативном контексте как способ отвлечения угнетенных масс от классовой борьбы, который все равно оказался неэффективным. Потом еще упоминалось о монастырях, которые поначалу брали на себя образовательные функции, да еще, когда речь заходила о Ренессансе, рассказывали о живописцах, которые все чаще писали свои картины в реалистической манере и даже Богов изображали как обычных людей.

Можно ли оставлять в таком же или даже близком положении сегодняшнюю общеобразовательную школу?

Нет, конечно. Но, поскольку речь идет уже не о классовой борьбе, а об эмоциональном воздействии, то о Библии следует рассказывать на уроках литературы. Учитывая постоянно упоминаемые трудности с числом часов, отведенных на разные предметы, рассказ все-таки должен быть лаконичным.

Литература никогда не отвечает на вопрос (и не обязана отвечать): было на самом деле то, о чем написано в литературном произведении, или не было.

Александр Сергеевич Пушкин гениально выразил это в одной строчке:

«Над вымыслом слезами обольюсь».

На уроках литературы нет никакой необходимости вбивать в головы школьников библейские догматы. Если возникнут вопросы, всегда можно сослаться на существование разных мнений: да, многие историки считают, что Иисус Христос был реально существовавшей исторической личностью, но, конечно, он – и это не только его судьба – со временем оброс многими легендами. На уроках «Основ православной культуры» такой ответ никто не даст, поскольку он идет вразрез с явно заметным прозелитизмом иерархов РПЦ.

Надо сказать, что уроки литературы в школе вообще нуждаются в серьезных переменах. Но это уже отдельная тема.

Какое-то время для освещения вопросов религии, но несколько более краткое, должно найтись и на уроках истории. Тут уже не идет речь о сильных эмоциональных воздействиях, на первое место выходят факты и аналитика. У истории как школьного предмета сложился свой стиль изложения, хотя и разный у разных учителей – его и следует придерживаться.

И последнее замечание в рамках этого раздела: все сказанное не имеет отношения к организации обучения в духовных семинариях при РПЦ и других частных религиозных учебных заведениях: в соответствии с принципом отделения церкви от государства, никаких ограничений со стороны государства на изложение религиозных дисциплин в таких учебных заведениях вводиться не должно.

## О кафедрах теологии в государственных вузах

В государственных высших учебных заведениях теология может присутствовать, но не должна рассматриваться как самостоятельная дисциплина. Ссылка на то, что во многих западных университетах существуют

кафедры богословия, едва ли этому положению противоречит. По крайней мере, студенты всех трех степеней (under-graduate, graduate, post-graduate), если выбирают своим главным направлением естественнонаучные дисциплины или математику, дополнительно могут изучать теологию лишь для собственного любопытства, никак не связывая с ней будущую работу по специальности. Примерно то же можно сказать о тех, кто изучает экономику и финансы – сюда же попадают и школы бизнеса.

Это оставляет теологии место только на философских факультетах. Для студентов-философов привычно изучать труды, написанные несколько столетий назад, рассматривая их как некие упражнения, ра считанные на развитие философской мысли. Иными словами, никто не связывает изучение трудов Платона с сегодняшней производственной деятельностью или с современной теорией элементарных частиц.

Опять-таки, могут быть и чисто богословские факультеты, но только частные, не пользующиеся государственной поддержкой – хотя бы потому, что бюджетные средства, затраченные государством на поддержку обучения на таких факультетах никогда не окупятся.

В университетах физического профиля, пользующихся государственной поддержкой, кафедры теологии совершенно неуместны. Поэтому открытие кафедры теологии в Национальном исследовательском ядерном университете «МИФИ» вызвало волну протестов в российском научном сообществе, поскольку было воспринято как явно нецелевое использование средств федерального бюджета, которые изначально были предназначены для финансирования современных научных исследований в области ядерной физики.

## Литература

1. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. М. К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980.
2. Википедия, статья «Религия».
3. *Гиндикин С. Г.* Рассказы о физиках и математиках. М.: МЦНМО, 2001. 3-е изд.
4. *Ньютон И*. Математические начала натуральной философии / Пер. с лат. и примеч. А. Н. Крылова. Сер. «Классики науки». М.: Наука, 1989.
5. *Чайковский Ю. В.* Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни. М., Товарищество научных изданий КМК, 2008.
6. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / Пер. с 6-го изд. (Лондон, 1872). СПб.: Наука, 1991.
7. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор: В 2 кн. М.: Терра-Книжный клуб, 2009.
8. *Докинз Р.* Бог как иллюзия / Пер. Н. Смелковой. М.: Колибри, 2008.